
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ ПОИСК

Давид ДУБРОВСКИЙ

Доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник. Институт философии РАН.
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная,
д. 12, стр. 1;
e-mail: ddi29@mail.ru

СУБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Проведён анализ понятия субъективной реальности (как специфического и неотъемлемого качества сознания) и его соотношения с понятиями физической реальности и информационной реальности. Выясняется информационная динамическая структура субъективной реальности, её способность самоорганизации, феномен волеизъявления. В центре внимания автора – вопросы исследования субъективной реальности, использование интроспективных методов и коммуникативного подхода, проблема «Другого» сознания. Субъективная реальность рассматривается в четырёх взаимосвязанных категориальных планах: онтологическом, эпистемологическом, аксиологическом и праксеологическом.

Ключевые слова: субъективная реальность, физическая реальность, сознание, информация, интроспекция, динамическая структура субъективной реальности, самопознание, онтологические, эпистемологические, аксиологические, праксеологические аспекты субъективной реальности

Понятие субъективной реальности. Основные теоретические вопросы

Субъективная реальность (далее сокращённо – СР) представляет осознаваемые психические состояния (в отличие от бессознательных психических процессов, которые существуют одновременно с ними и служат их необходимой основой). Состояние СР персонально, оно удостоверяет для личности её существование, временно теряется в глубоком сне без сновидений, при наркозе, обмороке, в других случаях потери сознания и навсегда пресекается смертью.

СР – специфическое и неотъемлемое качество сознания. Оно обозначается в философской литературе различными, но близкими по значению терминами: «субъективный опыт», «интроспективное», «ментальное», «феноменальное», «квалиа» и др. В последнее время термин «СР» стал использоваться гораздо шире для описания специфики сознания, в том числе и представителями аналитической философии (Дж. Сёрл, Д. Чалмерс и др.).

Понятие СР охватывает как отдельные осознаваемые явления и их виды (ощущения, восприятия, чувства, мысли, намерения, желания, волевые усилия и т. д.), так и их целостное персональное образование, объединяемое нашим Я. Это целостное образование представляет собой исторически развёртывающийся континуум, временно прерываемый глубоким сном или случаями потери сознания; оно всегда дано индивиду как определённое «содержание» в форме «текущего настоящего», т. е. *сейчас*, хотя это «содержание» может относиться к прошлому и будущему.

Всё множество явлений СР, протекающих в данном интервале, всегда связано с нашим Я, которое, в свою очередь, в том или ином отношении проникнуто их «содержанием». Лишь в патологии у индивида возникает состояние чуждости, независимости от Я переживаемых явлений СР (состояние деперсонализации и т. п.).

Качество СР – центральное звено проблемы сознания. Объяснение СР ставит одну из наиболее сложных проблем перед философией и наукой. Основательное философское исследование СР предполагает её рассмотрение по меньшей мере в четырёх основных планах: онтологическом, гносеологическом, аксиологическом и праксеологическом, учитывая их связи друг с другом. Это означает, что сознание как СР (особая реальность) необходимо включает параметры знания, ценности и активности, взятые в их взаимосвязях. Учёт этого предохраняет от упрощённых концепций сознания, в которых гипертрофируется какой-то один из параметров, оставляют другие в тени или попросту их игнорируют. Основательная многоплановая разработка проблемы сознания становится непременным условием перехода эпистемологии на новый этап развития в условиях информационного общества (см.: [18]).

В аналитической философии проблема сознания, взятого в качестве СР, именуется «Трудной проблемой сознания». Здесь два главных вопроса. Явлениям СР нельзя приписывать физические свойства (массу, энергию, пространственные характеристики). Каким образом в таком случае их можно связать с телесными, физическими процессами, объяснить их способность управлять органами тела и теоретически корректно включить в научную картину мира? Особенно остро этот вопрос стоит перед нейронаукой, стремящейся объяснить зависимость сознания от мозговых процессов.

Не менее сложным является и второй вопрос. СР представляет «внутренний» индивидуально-субъективный опыт, присущий только данному индивиду (выражаемый в отчётах от первого лица). Как перейти от этого индивидуально-субъективного опыта, непосредственно открытого только его обладателю, к интересубъективным, общезначимым утверждениям (от третьего лица) и к обоснованию истинного знания?

Эти вопросы в том или ином отношении ставились со времён Платона, Аристотеля, обсуждались в истории философии с классических позиций объективного идеализма, дуализма, субъективного идеализма и материализма. Постулаты, определяющие каждое из указанных направлений, образуют *основные метафизические координаты* понимания и объяснения сознания. Нет, пожалуй, ни одного крупного философа, который бы не касался этих вопросов. Крайне актуальны специальные исследования, ставящие своей задачей анализ всего огромного классического наследия под углом вычленения, сопоставления, систематизации, обобщения тех материалов, которые касаются именно существенных свойств, системных и структурных характеристик сознания и его специфического качества СР. Много из этого ценного наследия как бы «распылено», не актуализуется в современных публикациях, предаётся забвению, а потом нередко всплывает в виде открытий новомодных авторов.

Необходимо подчеркнуть, что проблема сознания широко разрабатывалась с позиций материализма («диалектического материализма») в советской философии. При этом в центре внимания находилось качество СР и ставилась задача его объяснения с учётом основательной критики концепций идеализма, дуализма, вульгарного материализма; широко использовались в этих целях данные науки и общественной практики (см.: [10; 13; 14; 15; 24; 33; 34 и др.]). Существовали разные концептуальные подходы, происходили острые дискуссии, особенно по проблеме идеального. Эти материалы во многом сохраняют своё значение и служат для современных разработок проблемы сознания в российской философии.

Онтологический статус субъективной реальности

Примерно с середины XX века в аналитической философии центральное место стала занимать разработка психофизической проблемы, а тем самым и вопросов онтологического статуса СР. В фокусе внимания здесь оказалась связь явлений СР с мозговыми процессами (Mind-Brain Problem). Большинство представителей этого направления стремилось решить указанную проблему путём редукции ментального к физическому. С их позиции, «феноменальный реализм» требует обоснования в качестве «натурального реализма», а последний должен удовлетворять стандартам физического объяснения. До сих пор в аналитической философии преобладает редукционистский способ объяснения сознания в двух его вариантах: *физикалистском* (когда явления СР редуцируются к физическим процессам) и *функционалистском* (когда они редуцируются к функциональным отношениям).

В последние десятилетия, однако, среди представителей аналитической философии растёт число противников редукционистских способов объяснения, они убедительно показывают несостоятельность редукции сознания к мозговым физиологическим процессам, к поведению или языку (Т. Нагель, Дж. Сёрл, Д. Чалмерс и др.). Однако никем из них пока не предложена основательная концепция, противопологаемая редукционизму; у Д. Чалмерса же в последние годы начинает преобладать точка зрения, согласно которой материалистическое решение проблемы духовного и телесного невозможно, и остаётся искать его на пути панпсихизма.

За последние 60 лет в русле этого направления опубликован поистине огромный объём литературы (сотни книг, многие тысячи статей)¹. Несмотря на столь большие интеллектуальные усилия, трудно говорить о каких-либо существенных достижениях в решении основных теоретических вопросов «Трудной проблемы сознания». Это отмечают не только российские философы [2; 8; 26 и др.], но и некоторые ведущие представители аналитической философии (см., напр.: [25]). Тем не менее опыт аналитической философии, безусловно, весьма важен для дальнейшей разработки проблемы сознания.

СР в своём специфическом качестве присуща не только сознанию человека, но и психике животных, о чём свидетельствует опыт общения с ними и данные зоопсихологии (например, выдающиеся результаты ис-

¹ Репрезентативная сводка основополагающих работ, которые представляют разные подходы к данной проблеме и дискуссии вокруг неё, содержится в антологии [48]; см. также публикации, в которых отражены результаты более поздних исследований [8; 11; 38]. Наиболее обширная библиография по этой проблеме имеется в книге [2].

следований К. Лоренца [20; 21]. Это отчётливо подтверждается опытами с воздействием галлюциногенов на животных (вызванные галлюцинации у собак сходны с теми, которые демонстрируют люди при определённых психических нарушениях.)

СР – находка биологической эволюции. У первых одноклеточных организмов носителем информации и регулятором поведения служили химические процессы. Это был *допсихический уровень информационной реальности*. Следующим этапом её развития стало возникновение психики с её качеством СР у **многоклеточных животных**, способных активно передвигаться во внешней среде.

Эволюционный подход позволяет предположительно установить первичные формы психики, специфику начальных проявлений СР. Интересно отметить, что существенные данные на этот счёт были представлены в результате анализа так называемого «околосмертного опыта», «терминальных состояний сознания», связанных с явлениями клинической смерти. Известный психиатр и невролог Л.М. Литвак, который сам находился 26 дней в коме, на основе анализа собственного опыта и изучения многочисленных случаев клинической смерти проследил и описал фазы патологического регресса психики вплоть до «филогенетического нуля» и затем её последующее восстановление, воспроизводящее в главных чертах этапы развития психики в филогенезе. В этом плане им рассматриваются обширные материалы, касающиеся психики животных и развития её у ребёнка. Это позволяет уяснить роль древних, глубинных пластов психики в структуре сознания, прежде всего *протопатической чувствительности*, которая, выступая в качестве первичной формы СР, объединяет в себе *чувства боли и страха*, в отличие от более поздней гностической чувствительности, в которой на первый план уже выходит не аффективная, а когнитивная функция [19]. Основательное рассмотрение феноменологических особенностей СР в ситуации «околосмертного опыта», имеющее важное значение для современных разработок проблемы сознания, содержится в работах Ю.М. Сердюкова (см.: [31; 53]).

Психика ознаменовала возникновение нового типа информационного управления, регуляции поведения. Она позволила решить проблему самоорганизации многоклеточного организма. Ведь её элементами являются отдельные клетки, которые также представляют собой самоорганизующиеся системы со своими весьма жёсткими программами, «отработанными» эволюцией в течение сотен миллионов лет. Но теперь последние должны были согласовываться с общеорганизменной программой, как и наоборот. Это – весьма сложная задача, решение которой предполагало *нахождение оптимальной меры централизации и автономизации контуров управления*, меры, способной обеспечить сохранение и укрепление *целостности* сложной живой системы, вынужденной постоянно передвигаться в изменяющейся внешней среде

и приспособляться к ней. Имеется в виду такая мера централизации управления, которая не нарушает фундаментальные программы отдельных клеток, и такая мера автономности их функционирования, которая, наряду с *кооперативными* и *конкурентными* способами их взаимодействия между собой, не препятствует их содружественному участию в реализации программ целостного организма. Эта мера централизации была достигнута благодаря возникновению психического управления.

Психика с присущим ей качеством СР – чрезвычайно экономичный, высококооперативный способ получения, переработки и использования информации в целях управления многосложным организмом, постоянно передвигающимся во внешней среде (у многоклеточных организмов, прикрепленных к одному месту, например у растений, психика не развивалась). Состояние СР как способ непосредственной данности (представленности) информации живой системе создаёт возможность ёмкого и эффективного синтеза многоплановой информации о внешнем окружении биологической системы и о существенных изменениях в ней самой. Это видно уже на примере простого чувственного образа, в котором интегрировано множество свойств объекта, включая его динамические состояния, а также, как показывают современные исследования, множество статических и динамических свойств самого субъекта восприятия и, что особенно важно, способность *немедленного включения действия* (органическая связь перцептивных и моторных функций хорошо показана в последнее время в ходе изучения «зеркальных» нейронов [30]).

Возникновение у животных СР было исторически первой формой **виртуальной реальности**, открывавшей по мере развития всё более широкий диапазон таких способностей, как прогнозирование, планирование, пробные действия в виртуальном плане и другие подобные операции, повышавшие приспособляемость к среде.

В ходе антропогенеза произошло качественное развитие СР, возникает сознание, а вместе с ним язык. Особенностью сознания по сравнению с животной психикой является то, что психическое отображение и управление сами становятся объектом отображения и управления. Возникает способность по существу неограниченного производства информации об информации, возможность абстрагирования и высокой степени свободы «движения» в сфере СР – мысленных действий, моделирования ситуаций, проектирования, фантазирования, творческих решений, способов целеполагания и волеизъявления.

Всякое явление СР есть некоторое «содержание», т. е. информация, воплощённая (закодированная) в определённой мозговой нейродинамической системе. Но эта **информация дана нам в «чистом» виде** – в том смысле, что её мозговой носитель для нас элиминирован: когда я переживаю образ дерева, мне дана информация об этом предмете и отображение мной этой информации, т. е. знание о том, что именно я вижу

это дерево; но я ничего не знаю, не чувствую, что при этом происходит в моём головном мозгу. Вместе с тем в явлениях СР нам дана наряду с информацией в «чистом» виде также **способность произвольно оперировать этой информацией** в довольно широком диапазоне (переключать внимание, направлять движение своей мысли, давать волю своему воображению и т. п.). Именно **данность информации в «чистом» виде и способность управлять ею выражают специфические черты СР.**

Но способность управлять информацией в «чистом» виде означает не что иное, как нашу **способность управлять её носителем, т. е. соответствующим классом собственных мозговых нейродинамических систем**, – ведь информация необходимо воплощена в своём носителе, и если я могу по своей воле управлять информацией, то это равнозначно тому, что я могу управлять её мозговым носителем, её кодовым воплощением. Здесь налицо особый тип самоорганизации и самодетерминации, присущий нашему Я, нашей мозговой Эго-системе как особому, высшему уровню мозговой самоорганизации, представляющему наше Я (см.: [22; 40]).

Это связано со спецификой **психической причинности**, которая является видом **информационной причинности**. Она отличается от физической причинности тем, что в силу принципа инвариантности информации по отношению к физическим свойствам её носителя причинный эффект определяется тут именно информацией, а не самими по себе физическими свойствами её носителя, т. е. определяется на основе сложившейся в филогенезе или онтогенезе **кодовой зависимости** (одно и то же следствие может быть вызвано совершенно разными по своим физическим свойствам причинами). При этом понятие информационной причинности нисколько не противоречит понятию физической причинности, расширяя теоретический базис описания, объяснения и предсказания процессов функционирования самоорганизующихся информационных систем (биологических и социальных).

Всё это позволяет ответить на часто цитируемый вопрос известного философа Д. Чалмерса, касающийся природы СР: «почему информационные процессы не идут в темноте?», почему они сопровождаются «ментальной добавкой», «субъективным опытом»? [37]. Потому что явления СР вовсе не «добавка», не пресловутый «эпифеномен», некий никчемный дублер мозговых процессов, но актуализованная мозговой системой информация, выполняющая функцию управления другими информационными процессами и телесными органами, целостным самоотображением и поведением живой системы. Этим определяется онтологический статус СР.

При таком подходе СР (сознание) естественным образом вписывается в научную картину мира в качестве **информационной реальности**. Это позволяет решать и столь актуальные для нейронауки теоретические вопросы о характере связи явлений сознания с мозговыми процес-

сами и развивать методологию решения задач расшифровки мозговых кодов явлений СР. В решении этих задач за последнее десятилетие достигнуты существенные результаты в таком направлении нейронауки, которое именуется «Чтением мозга» (обозначенный круг вопросов, включая развиваемый мной информационный подход к проблеме «Сознание и мозг», подробно изложен в моей книге [8]).

Динамическая структура субъективной реальности

Рассмотрение СР в онтологическом плане предполагает наряду с определением её связей с физическими процессами феноменологическое осмысление её динамической системы, ценностно-смысловой и деятельно-волевой структуры как персональной целостности и способов её функционирования (здесь возможны разные концептуальные подходы, один из которых излагается ниже).

Несмотря на чрезвычайное многообразие явлений СР и их взаимоотношений, можно в первом приближении выделить следующие общие свойства этой структуры СР.

Она является:

1) *динамической* (образующие её компоненты и их связи пребывают в постоянном изменении, присущие ей формы упорядоченности и её стабильность реализуются лишь путём непрестанно совершающихся локальных и глобальных изменений);

2) *многомерной* (она не является линейно упорядоченной, представляет собой единство ряда различных динамических «измерений», каждое из которых хотя и связано теснейшим образом с другими, несводимо к другим, обладает своим способом организации и функционирования);

3) *биполярной* (основные её интросубъективные отношения представляют единство противоположных модальностей «Я» и «не-Я»);

4) *самоорганизующейся* (её целостность и идентичность постоянно поддерживаются внутренними факторами, специальными регистрами, которые контролируют и обеспечивают меру автономности локальных изменений и реконструкций, позволяющих сохранять целостность и идентичность; нарушение этих регистров способно приводить к тяжелейшей психопатологии в виде «раздвоения личности» и т. п.).

Выделенные общие признаки структуры СР взаимосвязаны, могут определяться друг через друга (это означает, что динамичность многомерна, биполярна и выражает процесс самоорганизации, что многомерность, в свою очередь, динамична, биполярна, включает процесс самоорганизации и т. д.). При этом следует учитывать такие регистры функционирования СР, как *аревлексивность* и *диспозициональность*, которые постоянно «останавливают» и «включают» функции рефлекс-

сивности и актуальности, что особенно ярко проявляется при «уходе» актуально протекающего и рефлексивируемого «содержания» СР в память и возврате его из памяти в том же или изменённом виде или при актуализации вместо него другого «содержания».

Диспозициональность большей частью выражает весьма устойчивые, ценностно-смысловые образования в структуре СР, которые задают направленность желаний, мыслей и действий; в ряде же случаев такая направленность становится для личности непреодолимой (как при наркотической зависимости). Отношения диспозиционального и актуального, рефлексивного и арефлексивного весьма сложны, многоплановы, имеют важное значение для понимания функционирования СР, возникновения в ней стойких новообразований и, что особенно важно, для нахождения способов и средств преодоления устойчивых негативных качеств сознания (см. подробный анализ этих вопросов: [9, с. 92–96]).

Перейдём теперь к рассмотрению того, что можно назвать *базисной динамической структурой СР*. Она представляет собой *единство и временное соотношение противоположных модальностей «Я» и «не-Я»*. Это единство представлено в каждом наличном интервале СР, оно формирует его ценностно-смысловой каркас и деятельно-волевые векторы. В динамическом биполярном контуре «Я» – «не-Я» совершается движение «содержания» СР. Это «содержание» способно переходить из модальности «Я» в модальность «не-Я» и наоборот (например, когда «содержание», относящееся к модальности «Я», мои личностные свойства, мои оценки себя становятся для меня объектом внимания, анализа, оценки, а значит, выступают в данном интервале уже в модальности «не-Я» и т. п.).

Такого рода взаимопреобразования, перемена модальности переживаемого «содержания» – механизм эффективного отображения действительности, в том числе самой СР, её саморегуляции, а вместе с тем освоения социального опыта и осуществления творческой деятельности. Взаимопереходы модальностей «Я» и «не-Я» постоянно сохраняют биполярную структуру СР в любом её интервале, не нарушая идентичности персонального Я. Каждая из модальностей определяется лишь через противопоставление другой и соотношение с ней. Поэтому в самом общем виде «Я» есть то, что противопоставляется «не-Я» и соотносится с ним; и, наоборот, «не-Я» есть то, что противопоставляется «Я» и соотносится с ним.

Базисная динамическая структура СР раскрывается конкретнее, когда выясняются основные виды противопоставления и соотношения «Я» с «не-Я». Если взять за систему отсчёта модальность «Я», то в первом приближении «Я» выступает по отношению к «не-Я» как отношение «Я»: 1) к внешним объектам, процессам; 2) к собственному телу; 3) к самому себе; 4) к другому «Я» (другому человеку); 5) к «Мы» (той социальной общности, группе, с которой «Я» себя идентифицирует, к которой оно себя в том или ином отношении причисляет); 6) к «Они» (той общности,

социальной группе, которой «Я» себя противопоставляет или, по крайней мере, от которой оно себя отделяет); 7) к «Абсолютному» («Мир», «Бог», «Космос», «Природа» и т. п.).

Таков один из мыслимых способов выделения основных видов «содержания» «не-Я», а следовательно, самого «Я», ибо оно полагает и раскрывает себя лишь посредством *своего* «не-Я». Иными словами, таковы основные смысловые (когнитивные и ценностные) измерения нашего «Я». И чтобы сравнительно полно раскрыть одно из выделенных отношений «Я», нужно рассмотреть его не только само по себе, но и сквозь призму всех остальных. Так, нельзя основательно понять отношения «Я» к самому себе, если оставить в стороне отношение «Я» к предметному миру, к собственной телесности, к другому «Я», к «Мы», к «Они» и к «Абсолютному». В этой многомерности «Я» и полагает себя как *своё* «не-Я», которое выступает в форме «знания», «оценки» и «действия».

В биполярном и многомерном динамическом контуре «Я» – «не Я» непрерывно совершаются процессы самоотображения и самоорганизации структуры СР. В этом контуре формируется и реализуется *активность* СР, её деятельно-волевые функции.

Субъективная реальность и соотношение индивидуального и общественного сознания

Рассматривая феноменологические и онтологические аспекты СР, необходимо учесть, что понятие сознания охватывает не только индивидуальное сознание, но и общественное сознание (в таких его разновидностях, как массовое сознание, национальное, групповое, институциональное сознание и др.). Какова роль в таких случаях СР? Сохраняет ли СР свою необходимую принадлежность к этим формам сознания?

Для ответа на этот вопрос важно иметь в виду, что общественное сознание предполагает два плана описания: 1) по *содержанию* (каковы конкретные представления, идеи, учения, убеждения, стремления и т. д., присущие разным формам общественного сознания) и 2) по *способу существования* (каким социальным субъектам они принадлежат; как функционируют в общественной жизни; каково соотношение между их воплощённостью в объективированных, надличностных формах культуры, идеологии, правовых, государственных установлений и существованием в умах множества реальных деятелей; как возникают новые общественные идеи и как они становятся достоянием широкой массы, чем определяется их действенность, периоды активности и увядания и т. п.).

Эти два подхода, конечно, тесно связанные, позволяют лучше осмыслить соотношения индивидуального сознания с общественным. Последнее не существует вне и помимо индивидуальных сознаний. Всякое же индивидуальное сознание проникнуто определённым со-

держанием общественного сознания, составляющим его ценностно-смысловой каркас. Это содержание, представленное в форме знаний, убеждений, ценностных ориентаций и целей деятельности, переживается в качестве СР.

Вместе с этим всякая разновидность общественного сознания, взятая в её специфических свойствах, определяется инвариантами соответствующих свойств множества индивидуальных сознаний. Скажем, такое свойство, как неуёмное потребление, которое приписывается массовому сознанию, присуще ему потому, что оно в той или иной степени присуще сознанию подавляющего большинства людей.

Таким образом, можно считать, что **качество СР является необходимой принадлежностью не только индивидуального, но и общественного сознания**. Более того, СР удостоверяет реальную «жизнь» идей в общественном сознании, их организующую и действенную силу, но также столь знакомую нам из истории постепенную утрату этой силы, пройденный этап их реальной «жизни», сохранение лишь в опредмеченной форме различных описаний и архивных текстов. Вместе с тем СР является инициатором всех новообразований в индивидуальном сознании, а тем самым и в общественном сознании. Отсюда – высокая актуальность разработки эпистемологии СР.

Субъективная реальность как специфический объект познания

Задача познания СР, как в её отдельных проявлениях, так и в виде целостного субъективного мира личности – это широкая междисциплинарная проблема. В её разработке принимают ведущее участие не только философия и психология, но используются данные многих научных дисциплин [см.: 28]. Среди них результаты когнитивных исследований, психолингвистики, психофизики, психофизиологии, психогенетики, психофармакологии, значительного числа медицинских дисциплин, особенно ценны для указанной задачи достижения психиатрии, психотерапии, психоневрологии, психогенетики, позволившие глубже раскрыть системные и структурные свойства СР². Важное значение приобрели новейшие исследования в области искусственного интеллекта [35].

Разумеется, первостепенная роль в разработке проблемы сознания принадлежит комплексу социогуманитарных дисциплин. Особая актуальность и многоплановость социокультурных подходов к этой проблеме основательно раскрывается В.А. Лекторским (см.: [17]).

² Следует особо отметить значение для разработки структуры СР и для анализа проблемы сознания в целом работы таких выдающихся учёных, как: [19; 23; 27; 29; 36].

Следует отметить также значение той области обыденного знания, именуемой «народной психологией», которая содержит обобщённый исторический опыт практического самопознания человечества и создаёт своего рода первичную основу знаний о психической деятельности, на которую так или иначе опирается научное знание о ней. Наконец, надо подчеркнуть исключительную ценность художественного познания субъективного мира личности в произведениях великих поэтов и писателей. Пушкин, Толстой, Чехов, многие другие выдающиеся деятели литературы и искусства рассказали нам о природе человека, о его душевном и духовном мире гораздо больше, чем современная наука, и это знание о СР используется ею пока весьма слабо.

СР есть исходная форма всякого знания, ибо любое знание первично возникает лишь в качестве содержательно определённых явлений СР отдельных индивидуумов (иного не бывает, если в мире нет божественных существ). В то же время СР, как уже отмечалось, является формой «живого» знания, актуально реализуемого процесса познания. Знание, объективированное в письменных текстах и других материальных носителях, является «мёртвым», по крайней мере, пребывает в состоянии анабиоза, если оно никем не распремечивается, не приобретает качества СР (разумеется, познание, рассматриваемое в процессуальном плане, осуществляется в динамическом контуре опредмечивания-распремечивания, но это уже другой аспект проблемы, требующий специального анализа).

Всякое явление СР – **двумерно: является отображением не только некоторого явления, но и самого себя, представляет единство иноотображения и самоотображения**. В любых поддающихся дискретизации проявлениях, в любых её интервалах СР обладает в той или иной степени способностью самоотображения (на уровне нашего «Я»). Эта **фундаментальная** способность проявляется в многообразных формах – от развитой рефлексии до элементарного *чувства принадлежности мне* переживаемого мной в данный момент состояния СР. Обычно чувство принадлежности находится вне фокуса осознания, слабо актуализовано; оно остро переживается лишь в экстремальных случаях (см.: [19; 23]).

Данные психопатологии предоставляют исключительно ценный материал для исследования самоотображения, демонстрируют различные варианты и стадии его нарушения, убедительно раскрывают **взаимозависимость иноотображения и самоотображения**, особенно ярко в тех случаях, когда нарушение самоотображения влечёт нарушение адекватности отображения внешних объектов; феномены деперсонализации вызывают обычно феномены дереализации, и наоборот. Факты такого рода имеют принципиальное значение для гносеологии. Они указывают как раз на **необходимую зависимость адекватности отображения внешнего объекта от адекватности самоотображения**, и, если ставить вопрос более широко, – на **зависимость процесса и результатов позна-**

ния внешнего мира от процесса и результатов самопознания. Эта зависимость исследуется в современной эпистемологии недостаточно, а нередко и вовсе остаётся в тени.

Как возможно, как осуществляется познание явлений СР? Этот вопрос связан с классической тематикой самосознания и самопознания и служит предметом пристального внимания и дискуссий уже в античной философии. В новые времена, у Декарта, Локка, Юма, Канта, а затем и в XIX столетии его обсуждение привело к формированию развитых, но во многом противоположных или, по крайней мере, существенно отличающихся друг от друга концепций. Начиная с первых десятилетий прошлого века и по сей день этот вопрос рассматривался большей частью в рамках проблемы интроспекции. Можно считать, что главные различия между сторонниками противоположных концепций самопознания определялись признанием или отрицанием ими значения интроспекции (самонаблюдения).

Проблема «Другой» субъективной реальности

Познание СР имеет два принципиально разных плана: 1) *познание собственной СР* и 2) *познание СР другого человека* (это называют проблемой «другого сознания»). Безусловно, результаты первого плана имеют существенное значение для второго, как и наоборот; но способы и средства познания в каждом плане принципиально различаются, что, собственно, и создаёт одну из главных трудностей в исследовании и объяснении сознания. Однако следует иметь в виду, что весьма многие представители аналитической философии при обсуждении проблемы «другого сознания», несмотря даже на свои редуccionистские установки, опираются на *«аргумент от аналогии»*. Суть его в том, что *знание о сознании (СР) другого обусловлено знанием о собственном сознании*. Мои субъективные состояния даны мне непосредственно, а другого – лишь посредством их внешних проявлений. Я знаю типичные корреляции между состояниями своей СР и их внешними проявлениями у себя (реакциями, поведением, речевыми актами и пр.). Наблюдая подобные внешние проявления у другого, я могу судить о состояниях его СР.

Слабость этого аргумента признаётся всеми, он, по выражению Н. Малкольма, «постоянно находится в ремонте», допускает разные интерпретации; он заслуженно подвергался резкой критике (со стороны Стросона, Шумейкера и многих других). Основные контраргументы состоят в том, что для многих субъективных состояний связь между ними и их внешними проявлениями многозначна; вместе с этим в большинстве случаев мы описываем свои состояния СР для себя таким образом, что при этом вообще отсутствуют ссылки на бихевиоральные проявления. К тому же оценка собственных ментальных состояний бывает ошибочной.

Однако, несмотря на всё это, «аргумент от аналогии» используется многими крупными философами, за неимением лучшего. Предлагая свою интерпретацию, к нему прибегал Рассел [49]. Э. Гуссерль, как известно, конструируя трансцендентальное Эго, опирался на аналогизирующую апперцепцию смысла собственного сознания, аналоговую проекцию его смысла на другую телесность. Широкое использование «аргумента от аналогии» – свидетельство отсутствия теоретического решения проблемы «другого сознания», но вместе с тем и неустранимости «первичности» знания о собственном сознании от первого лица (что тоже вызывает дискуссии). И это возвращает нас к эпистемологическим вопросам о роли интроспекции в познавательной деятельности.

Интроспекция является способом и процессом отображения, познания собственного сознания, состояний и «содержания» СР, а тем самым представляет необходимый аспект осмысления самопознания и всякого акта познания вообще. Это – *знание от первого лица*, которое дано в форме явлений СР и обычно характеризуется следующими свойствами: 1) является «непосредственно данным», т. е. осуществляется путём «прямого доступа», «привилегированного доступа» (например, знание о моей боли в правой руке, которое я сейчас испытываю, дано мне сразу, непосредственно, в том интервале, в каком я переживаю это состояние; другим же такое знание может быть доступно только опосредствованно); 2) оно является «некорректируемым», «непоправимым», в том смысле, что независимо от характера переживаемого «содержания» это конкретное «содержание» не может быть кем-то «исправлено» или оспорено, ибо оно принадлежит исключительно мне; другие же не обладают никакими средствами для его подтверждения или опровержения. Эти свойства, как и процесс интроспекции в целом, подлежат специальному анализу и требуют дополнительной интерпретации³. Но вначале следует обратить внимание на концепции, в которых интроспекция категорически отрицается.

Критика концепций, отрицающих эпистемологическое значение интроспекции

Решительными противниками интроспекции были и остаются не только философы бихевиористского и редуционистского толка, но, как ни странно на первый взгляд, и некоторые их рьяные критики. Жёсткую

³ Подробное рассмотрение различных концептуальных подходов к анализу и эпистемологическим оценкам интроспекции, острых дискуссий по многим общим и частным вопросам этой темы содержится в обширной обзорной статье [51] и в сборниках работ, специально посвящённых данной проблематике [39; 54].

позицию в этом вопросе занимали представители логического позитивизма (К. Гемпель, М. Шлик, Р. Карнап и др.). Как утверждал К. Гемпель: «Психология является составной частью физики» [45, р. 378]. Ментальные явления должны быть сведены без остатка к физическим процессам. Таким путём преодолевается «картезианский софизм».

Разложение логического позитивизма привело, как известно, к развитию так называемого постпозитивистского движения, которое реабилитировало онтологическую проблематику, но в большинстве случаев сохранило установки радикального физикализма и редукционизма. Уже на первом этапе это направление аналитической философии под именем «научного материализма» и «научного реализма» подвергало резкой критике эпистемологическое значение высказываний от первого лица и разрабатывало различные способы концептуального отождествления ментального и физического, а вместе с тем редукции «личного», интроспективного к «публичному», интерсубъективному (У. Плэйс, Дж. Сمارт, Д. Армстронг, Г. Фейгл, У. Селларс, П. Фейерабенд, Р. Рорти и др. Подробное рассмотрение различных версий «научного материализма» и их критический анализ содержится в моей книге [9, с. 13–95]).

С этих позиций, например, У. Селларс отвергает «миф непосредственно данного» как несовместимый с принципами «научного реализма», необоснованно разрывая при этом органическую связь непосредственного и опосредствованного знания [52]. А Фейерабенд утверждает, что если бы «непосредственно данное» действительно существовало и играло бы какую-то существенную роль в познавательных процессах, то это означало бы конец рационального знания и превратило бы нашу речь в «кошачью серенаду». Ментальные термины должны получить подлинное научное содержание, а это означает их элиминацию, создание «чисто материалистического языка» [42, р. 93].

Начиная с 50-х гг. прошлого века и до нашего времени в рамках аналитической философии наряду с физикалистским редукционизмом широкое распространение получили концепции, редуцирующие ментальное (СР) к функциональным отношениям. Они имели свои корни в установках бихевиоризма. Значительное влияние здесь оказала известная работа Г. Райла [50], в которой автор стремился доказать, что ментальные явления не представляют собой некоего специфического качества, что для их описания и объяснения вполне достаточна категория поведения. При этом Г. Райл расширяет категорию поведения, включая в неё не только актуальные действия, но и диспозиции, т. е. «возможности, тенденции и склонности к какому-либо действию». Такой подход связан с позицией логического бихевиоризма, представителями которой выступали поздний Витгенштейн, Гудмэн, а в значительной степени и Куайн.

Ярким примером последовательного функционалистского редукционизма и его парадоксальных заключений может служить позиция Д. Деннета, который продолжает указанную традицию, объявляет ин-

троспективные данные, квалиа, все явления СР, в том числе и само наше Я (Самость), не более чем «кажимостями». Не существует никакого «непосредственно данного», «привилегированного доступа». Всё это «иллюзии картезианского театра». Нет якобы никакого различия между переживаемым в опыте субъективным феноменом и лингвистически оформленной мыслью об этом феномене. «В норме достаточным условием для того, чтобы иметь опыт, является последующий вербальный отчёт» [41, р. 140]. Таким способом «кажимость» феноменов нашего субъективного мира редуцируется к тому, что полагается подлинной реальностью – словесным отчётам, и это считается научным объяснением субъективного опыта и сознания, от которого теперь не остаётся и следа. Заметим, что своё личное Я Деннет не считает иллюзией, более того, оно у него способно судить о всех остальных Я и считать их иллюзорными (многие другие разительные противоречия в концепции Деннета подробно рассмотрены мной в специальной статье [4]).

Как уже говорилось выше, против признания эпистемологического значения интроспекции, «привилегированного доступа» резко выступает ряд философов, которые отстаивают нередуцируемость сознания, решительно отвергают концепции физикализма и функционализма. Типичным представителем этой группы философов является Дж. Сёрл. Его концепция заслуживает особого внимания, так как стремится «реабилитировать» субъективную реальность в глазах аналитической философии и даёт повод для рассмотрения существенных вопросов проблематики СР.

Сёрл считает, что утверждение «реальность объективна» – «очевидно ложно» [32, с. 36–37]. «Не вся реальность объективна, некоторая её часть субъективна» [32, с. 39]. Таким образом, наряду с объективной реальностью признаётся субъективная реальность. Онтология сознания «в сущности, есть онтология от первого лица» [32, с. 40]. Ментальные состояния всегда принадлежат лишь «первому лицу», данному «Я», а отсюда вытекает **«признание первичности точки зрения от первого лица»** [32, с. 40] (выделено мной. – Д.Д.). И потому несостоятельно «бегство от субъективности», стремление во что бы то ни стало «переопределить» онтологию субъективного в «терминах третьего лица» [32, с. 41].

Эти положения Сёрла можно приветствовать. Но посмотрим, как они конкретизируются, как раскрывается содержание понятия «онтологии от первого лица» и её «первичности». Ведь для основательной разработки онтологии СР необходима столь же основательная специальная разработка гносеологии СР. Иначе приведённые общие положения не будут иметь чёткого смысла. Необходим анализ тех познавательных средств, которые используются для определений специфики СР, познавательных ситуаций «от первого лица», связанных с интроспективными данными.

Сёрл явно игнорирует такого рода эпистемологический анализ, он с порога отбрасывает интроспекцию, «привилегированный доступ», «некорректируемость», выражая в этом полную солидарность со сво-

ими главными философскими противниками (редукционистами). По его словам, метафора «привилегированного доступа» является «даже более путанной, нежели метафора здравого смысла об интроспекции», ибо она наводит на мысль, что «сознание подобно изолированной комнате, войти в которую позволено только нам» [32, с. 105]. Эти положения «не имеют никакого отношения к существенным свойствам сознания. Они всего лишь элементы ошибочных философских теорий о нём» [32, с. 146]. Источник ошибок Сёрл видит в картезианстве и сводит суть вопроса к тому, что мы способны часто заблуждаться относительно собственных субъективных переживаний. Он приводит пример: Салли думала, что любит Джимми, но потом поняла, что ошибалась. О какой же «некорректируемости» тут можно вести речь? Такое утверждение является «очевидно ложным» (см.: [32, с. 143]).

Но довод о возможных заблуждениях и метафора «изолированной комнаты» (весьма примитивная и неадекватная, на мой взгляд) не имеют значения контраргумента. Общеизвестно, что наши оценки собственных состояний СР могут быть ошибочными, факты такого рода повсеместны. Однако суть дела состоит в другом: в анализе и объяснении той специфической черты СР, которая выражает её способность **непосредственного самоотображения** в системе нашего Я (соответственно, в способности «привилегированного доступа»), а это предполагает, в свою очередь, также анализ и объяснение **опосредованного самоотображения**. Последнее относится к различным уровням интерпретации и оценки «содержания» собственных субъективных состояний, которые могут быть и неадекватными. *Однако подобные интерпретации и оценки представляют собой тоже явления СР и неизбежно включают аспект непосредственного знания.*

Таким образом, всякое явление СР несёт в своём «содержании» **единство непосредственного и опосредованного знания**. В этом «содержании» **аспект непосредственного знания («непосредственно данного»)** **устранить невозможно**, что и выражает суть «привилегированного доступа», а во многом и того, что именуют «некорректируемостью». «Корректировка» наличного переживания СР совершается постоянно – одновременно и последовательно, – но как бы в другом «измерении»; она выступает в разных оперативных формах (в принятии, в непринятии, в сомнении; в интуитивной и рассудочной оценке, в интерпретации в связи с прошлым опытом и т. д.). Естественно, что *всякий акт «корректировки», будучи тоже явлением СР, неизбежно включает аспект «некорректируемости»*. Попытки устранить аспекты «привилегированного доступа» и «некорректируемости» ведут к чрезмерно упрощённой модели явлений СР и не позволяют адекватно выразить «онтологию ментального», «**онтологию от первого лица**».

Остаётся загадкой, как может Сёрл совместить в своей концепции признание «первичности онтологии от первого лица» с категорическим отрицанием «привилегированного доступа», отрицанием

того, что «нам присущ определённого рода авторитет от первого лица» [32, с. 143]. Поскольку автор в своей книге постоянно говорит: «Я считаю...», «Я полагаю...», «На мой взгляд...», т. е. говорит от своего первого лица, но в то же время отрицает какой-либо «авторитет от первого лица», то как он может верить себе и как мы можем верить ему. Эти столь удивительные противоречия в концепции Дж. Сёрла являются следствием игнорирования фундаментальной способности самоотображения, присущей СР (см. подробный критический анализ концепции Дж. Сёрла [5]).

Среди представителей аналитической философии и когнитивных наук получила широкое распространение так называемая «Теория Теории» (в текстах, где о ней ведётся речь, она сокращённо именуется ТТ). Её предметом является процесс и результат самоосознания (self-awareness). Суть ТТ в том, что знание о собственных ментальных состояниях достигается теми же средствами, что и знание о ментальных состояниях другого; создана якобы теория, объясняющая познание ментальных состояний других людей (обозначается кратко ТоМ), она прилагается к познанию собственных ментальных состояний и даёт их объяснение, является их теорией (т. е. теорией теории – ТТ). Активные сторонники ТТ (А. Гопник, А. Мельцофф, Х. Веллман и др.) объявляют иллюзией феномены «непосредственно данного» и «привилегированного доступа», сводят ментальное лишь к его когнитивному содержанию, используют другой редукционистский репертуар [44].

В последние два десятилетия, однако, в аналитической философии и когнитивной науке усилились антиредукционистские тенденции, что проявляется в жёсткой критике, которой подвергается ТТ. Основные контраргументы против ТТ связаны с опровержением ТоМ и доказательством зависимости теоретических построений о познании другого сознания от понимания специфических процессов самоосознания. Примером этого может служить обстоятельное исследование Ш. Николс и Ст. Стич, которые наряду с теоретическим анализом используют обширный эмпирический материал из области психологии и психопатологии, свидетельствующий о несостоятельности ТТ [47]. Они показывают, что отображение («чтение») ментальных состояний другого невозможно без адекватного отображения собственных ментальных состояний и что между последним и первым нет необходимой связи. ТТ противоречит феноменологическим данным и не объясняет нашей способности самоосознания, которая связана со специальным когнитивным механизмом самоотображения (именуемым «механизмом мониторинга»). Они приходят к выводу, что этот механизм предзадан психике (“mind”), т. е. носит фундаментальный характер, действует во всяком ментальном акте и, что важно, не имеет логически необходимой связи со словесным отчётом. Как видим, это подтверждает общую теоретическую установку, что всякое явление СР необходимо включает самоотображе-

ние, является, как подчёркивалось выше, единством иноотображения и самоотображения, наиболее отчётливо проявляющегося в бимодальной структуре СР.

Субъективная реальность и «квалиа»

В аналитической философии проблема СР широко обсуждается под углом анализа **квалиа**. Этому посвящена труднообозримая литература. Обычно квалиа связываются с феноменальным опытом: ощущениями и восприятиями. Но нередко в него включаются эмоциональные состояния, в том числе интегрального уровня (типа переживания радости, тревоги и т. п.). Существуют различные интерпретации понятия «квалиа». Одна группа авторов считает квалиа репрезентациями, интенциональными явлениями (А. Тай, В. Лайкан, Т. Крейн и др.); вторая группа (Н. Блок, Дж. Фодор и др.) считает, что квалиа нерепрезентативны, неинтенциональны: они представляют собой не «данность сознанию» определённого «содержания», а само его состояние (сомнительное, на мой взгляд, разграничение). Квалиа рассматривается как неотъемлемая характеристика ментального и ключевой вопрос проблемы сознания.

Однако квалиа представляют собой лишь одну из разновидностей СР. Когда я произвожу в уме абстрактные математические операции, то их нельзя относить к понятию квалиа. Поэтому неправомерно замещать посредством квалиа весь объём разнообразных явлений сознания (СР), отождествлять ментальное и квалиа. Вместе с тем квалиа действительно выражают специфические свойства СР – все те особенности интроспективного знания, от первого лица, о которых шла речь выше («непосредственно данное», «привилегированный доступ» и др.). Позитивное значение исследований квалиа в аналитической философии состоит в акценте внимания на специфике ощущений, чувственных образов – этих, так сказать, первичных звеньях познавательного процесса, которые продолжают вызывать острые эпистемологические вопросы. На первом плане здесь дискуссии о соотношении квалиа с «физическим» и «функциональным», «приватным» и «публичным», всё те же редукционистские и антиредукционистские подходы к объяснению квалиа, использование широко известных мысленных экспериментов «инвертированного спектра», «инвертированной Земли», «аргумента знания» (со всезнающей о физических свойствах цвета Мэри), «китайской нации», «мыслимости зомби». Эти мысленные эксперименты, призванные доказать невозможность физической или функциональной редукции, представляются мне избыточными (если учесть тот огромный объём литературы, который им посвящён); к тому же они весьма уязвимы в теоретическом плане, что показано их многочисленными критиками.

Разумеется, опыт исследования квалиа в аналитической философии важно учитывать. Особенно это касается вопросов об их «приватности» и о выразимости для другого своего уникального переживания, например «вкуса сигары» или «картины заката над морем». «Каково это быть» в состоянии человека или другого существа, переживающего данное квалиа? Такие вопросы были остро поставлены Т. Нагелем в его знаменитой статье «Что значит быть летучей мышью?» [46]. Действительно, можем ли мы каким-то образом узнать, прочувствовать состояния СР летучей мыши, которые у неё, несомненно, имеются. Не говоря уже о том, что у нас нет теоретически обоснованных критериев определения наличия СР реальности у другого существа, даже в тех случаях, когда мы знаем, что она у него есть и он общается с нами, у нас нет точных способов определения «содержания» его наличного переживания. «Каково это быть» означает быть этим другим. Однако на практике мы в большинстве случаев всё же достигаем понимания «содержания» СР другого человека и некоторых животных (например, собаки, с которой постоянно общаемся).

Мы способны решать такого рода герменевтические задачи. Это обусловлено тем, что в мире не существует абсолютно уникального, всякое единичное явление несёт в себе некоторые общие черты с другими; всякий стимул, вызывающий данное «уникальное» ощущение или восприятия, как свидетельствует нейронаука, автоматически проходит категоризацию, связывается с уже знакомым классом явлений. Мы располагаем широким набором коммуникативных инвариантов, которые формируются на основе опыта общения с людьми и животными. Здесь, конечно, остаются существенные вопросы, требующие специального анализа.

Коммуникативный подход к исследованию субъективной реальности

Рассмотренные выше вопросы указывают на первостепенное значение коммуникативного подхода к исследованию СР, на необходимость выяснения особенностей аутокоммуникации и внешних, межличностных коммуникаций, сложных связей между ними. Уже элементарный анализ показывает, что всякий познавательный акт непременно включает в той или иной форме *отчёт от первого лица для себя* и лишь потом – для другого. Если речь идёт, скажем, о научном размышлении данного уникального лица, оно нередко начинает формироваться на довербальном уровне, но далее требует адекватной вербализации. Она проходит обработку в его внутренней речи и достигает стадии, которую можно назвать **интроинтерсубъективностью**. На этой стадии в процессе аутокоммуникации наступает уверенное «принятие» для себя данного «со-

держания» СР, согласия с собой после сомнений, колебаний в определении формулировки данного «содержания», чтобы затем вынести его во внешнюю коммуникацию, сообщить его своим коллегам для обсуждения и возможного обретения им статуса **интерсубъективности** (принятой в данном сообществе формы отчёта от третьего лица).

Коммуникативный подход к проблеме СР предполагает исследование феномена «**закрытости**» субъективного мира личности. Она открывает определённое «содержание» своей СР другому *по своей воле*, причём избирательно и лишь в той или иной степени, дозируя свою *искренность*; некоторое же «содержание» она старательно закрывает, искусно камуфлирует. Конечно, «закрытость» относительна, и её степень выражена у разных людей по-разному. Как уже отмечалось выше, существуют средства и способы межличностных коммуникаций, позволяющие независимо выяснить, понять существенную часть «содержания» СР другого человека, даже если он не желает открыто общаться с нами. Важную роль при этом играют разнообразные формы нелингвистических коммуникаций, особенно такие, как взгляд, произвольные телодвижения, жесты, эмоциональные восклицания и т. п., которые часто выражают внутренние состояния человека более непосредственно, более откровенно, чем его речевые сообщения. Тем не менее «закрытость» есть проявление относительной автономии личности, связанной с её самополаганием, свободой выбора, защитой интересов, личной тайной, «сокровенным», и это служит важнейшим фактором социальной самоорганизации.

С феноменом «закрытости» тесно связан ещё один коммуникативный аспект проблемы СР. В отличие от **истинности** (ключевой проблемы эпистемологии СР) это вопрос о **подлинности** «содержания» СР, которое открывается другому, а также самому себе. Он включает ряд уровней рассмотрения. Качество подлинности выражает *искренность* в общении, исключает намеренный обман, всевозможные «дипломатические» ухищрения, полуправдивые конструкции и т. п. Неподлинность для себя выражается в **самообмане**, который выступает в феноменах вытеснения, принятия желаемого за действительное, в различных формах компенсаторных объяснений и оправданий (самообман присущ не только личностям, но и институциональным субъектам).

Диагностика подлинности мыслей, чувств, намерений имеет жизненно важное значение, которое в информационную эпоху быстро возрастает в связи с выдающимися достижениями технологий дезинформации и обмана и *изошрённым творчеством в области самообмана*. Следует, однако, признать, что на нынешнем этапе развития нашей цивилизации, как и на всех прошлых этапах, обман (не только злонамеренный, но также добродетельный и защитный) и самообман остаются фундаментальными факторами социальных коммуникаций и аутокоммуникации, выполняют необходимую функцию в социальной самоор-

ганизации. Это становится понятным, если провести мысленный эксперимент и представить себе, имея в виду природу современного человека, что больше никто никого не обманывает – ни люди, ни социальные субъекты. Что произойдёт в жизни общества? (См. о проблеме обмана подробнее: [6].)

Эпистемологические вопросы о соотношении субъективного и интросубъективного, личностного и надличностного в процессах познания составляют важнейший аспект проблематики СР. Это касается и многолетних дискуссий в западной философии вокруг интроспекции, проблем соотношения и взаимозависимости познания собственного сознания и познания сознания «другого», темы самосознания и самопознания в целом (см. широкий и детальный обзор в [43]). И здесь важно обратить внимание на разработку этой проблематики в восточной философии (особенно индийской и китайской), в которой вектор самопознания (и самопреобразования) выражен в большинстве случаев гораздо сильнее, чем в западной философии и культуре, где направленность познания и преобразующей деятельности обращена по преимуществу во внешний мир.

В последние годы представители западных научных центров проявляют большой интерес к феноменологии буддизма и методам самонаблюдения (интроспекции), разработанным на основе тысячелетнего опыта развития медитативных практик, проводят совместные исследования с буддийскими специалистами (см.: [1; 12]).

Лидер буддизма Далай-лама XIV всемерно поддерживает развитие такого сотрудничества, более того, выступает его активным инициатором, организатором и покровителем⁴. Будучи сам крупнейшим мастером медитативных практик, он подробно описывает в своих книгах особенности буддистских методов самонаблюдения, сопоставляя их с обычными научными методами наблюдения. Эти методы предполагают укрепление «дисциплины ума», стабильности и ясности внимания, умения регулировать «фокусировку сознания на выбранном объекте» [3]. Так же, как в науке, здесь имеются протоколы самонаблюдения и особые процедуры, которые должен выполнять наблюдатель (см.: [3, с. 142–143]). «С научной точки зрения, – говорит Далай-лама, – это можно сравнить со строгим эмпирическим наблюдением» [3, с. 145]. Использование таких методов поддерживается постоянными усердными тре-

⁴ По инициативе Далай-ламы и под его руководством в августе 2017 г. (Нью-Дели, Индия) и в мае 2018 г. (Дхарамсала, Индия) были проведены две научные конференции под общим названием «Фундаментальное знание. Диалоги между российскими и буддистскими учеными по проблеме сознания». В них по личному приглашению Далай-ламы приняли участие ряд ведущих российских специалистов в области нейронауки и философии. Конференции прошли весьма успешно и положили начало совместному сотрудничеству в разработке проблемы сознания. Подробный отчёт о первой конференции опубликован в журнале «Философские науки» (2018, № 3).

нировками и строгой проверкой достоверности полученных результатов (см.: [3, с. 140–143]). Они разрабатывались и совершенствовались на протяжении многих столетий; их результативность была подтверждена множеством мастеров медитации, прежде чем соответствующие техники стали рекомендовать для общего употребления (см.: [3, с. 160]).

Овладение этими методами открывает возможность чёткого выделения и описания определённого явления СР как воспроизводимого объекта исследования, что имеет принципиальное значение для многих отраслей науки, изучающих сознание. Наряду с этим исключительную ценность представляют тщательно разработанные в буддизме *методы эффективного управления сознанием*. Они позволяют добиваться целенаправленного *изменения сознания*, особенно тех стойких диспозициональных структур, которые определяют его негативные свойства. Это способно привести в действие обширные ресурсы самопознания, саморегуляции, самосовершенствования, которые таятся в каждом из нас, но, как правило, остаются неиспользованными. Главная цель философии и практики буддизма, которая столь активно и последовательно выражена в многолетней подвижнической деятельности Далай-ламы, состоит в формировании у человека высоких, благородных ценностей, в развитии способности сочувствия и сострадания. Ведь действия людей зависят от их ценностных установок.

Аксиологические и праксеологические аспекты субъективной реальности. Вера, воля, творческая активность

В современных условиях особенно актуально специальное рассмотрение аксиологической структуры СР под углом многообразия ценностных интенций Я. В первом приближении допустимо говорить о двумерной организации ценностной структуры СР – *иерархической* и *рядоположенной* (когда ценности чётко не различаются по рангу, выступают как одноуровневые). Иерархическую организацию ценностных интенций Я можно образно представить в виде усечённого конуса. Чем выше ранг ценностей, тем их меньше.

В данном случае рассматривается чисто формальный аспект этой организации, в отвлечении от конкретного «содержания» ценностей и того, какова их подлинная социальная значимость. В этом должен состоять следующий шаг анализа, ибо высшими, доминирующими ценностными интенциями данного «Я» могут выступать и ничтожные по своему содержанию, низменные и даже злонамеренные, преступные интенции. Как правило, верхний уровень «конуса» более стабилен. Чем ниже уровень, тем он более динамичен, переменчив по конкретному

содержанию ценностей. В условиях резкого увеличения числа ценностных интенций низшего уровня (столь характерного для нынешнего потребительского общества) вершина «конуса» как бы проседает, высшие ценностные интенции «снижаются», их управляющая функция по отношению к интенциям низшего ранга сильно ослабевает, нарушается динамическое единство процессов центрации и децентрации «Я», что приводит к феномену *децентрированного «Я»* (блуждающего в себе и вне себя в джунглях неподлинных потребностей и коммуникаций). При этом «Я» всё же сохраняет своё, пусть и ослабленное, единство за счёт ситуативного возвышения ранга каких-то низших ценностей. Это отличает его от патологически децентрированного «Я».

Антиподом указанного феномена является *суперцентрированное «Я»*, которое определяется содержанием конкретной *сверхценной идеи* (термин, принятый в психиатрии, но употребляемый также для обозначения «нормальной» одержимости поэта, учёного, политического борца и т. д.). Она обуславливает напряжённую целеустремлённость и высокую энергетiku. Таковы особенности *фанатичного сознания*. Отмеченные черты суперцентрированного «Я» особенно резко проявляются в патологических случаях, когда сверхценная идея носит бредовый характер, не поддаётся никаким коррекциям и приобретает безраздельное господство над мышлением и поведением больного.

Между приведёнными двумя крайними вариантами находятся различные градации центрированности и децентрированности «Я», которые выражают множество реальных способов организации ценностных интенций личности. К этому надо добавить, что помимо иерархического и рядоположенного надо учитывать также *конкурентный* вид отношений и *амбивалентные отношения*, которые занимают весьма существенное место в динамической структуре ценностных интенций «Я».

Помимо сверхценных идей существуют и *сверхценные состояния*, переживаемые в определённом интервале СР. Они представляют чрезвычайную экзистенциальную полноту и значимость субъективного переживания, могут возникать в апогее творческого вдохновения, иметь религиозно-мистический или чисто гедонистический характер. Такие состояния в противоположность будничному, «серому» сознанию образуют витальные пункты истории нашей СР (личности), которые «светят» из прошлого всю жизнь, поддерживая чувства её оправданности и единства, несмотря на многочисленные удручающие пустоты прожитого времени. В этой связи надо сказать и об экстремальных по своей значимости переживаниях с отрицательным знаком, которые также имеют глубокий экзистенциальный смысл.

При рассмотрении аксиологического плана СР центральным остаётся вопрос о *способе существования ценностей*. Где и как существуют честность, верность, мужество, патриотизм и т. п.? Их «содержание» объективировано в культурных и социальных нормах. Но одно дело –

лишь *знаемая* ценность, другое – *действенная*. В обоих случаях соответствующее «содержание» представлено в СР индивида. Но говорить о реальном существовании ценности можно лишь во втором случае. Она действительно существует лишь тогда, когда побуждает к соответствующему поступку, к определённой форме поведения и способствует его реализации. Поэтому вопросы о природе ценности требуют не только гносеологического, аксиологического, но и праксеологического анализа, в плане активности сознания (СР), о чём уже коротко речь шла выше.

Сознание интенционально, а это означает, что каждый его акт содержит определённый вектор активности. Она выступает в разнообразных проявлениях. Одним из них является *феномен веры*, понимаемый в широком смысле как санкционирующий механизм «принятия» (или «непринятия») определённого когнитивного содержания СР и ценностного выбора. Это связано с целеполаганием, целеустремлённостью и целереализацией. На первом плане тут процесс *целереализации*, ибо слишком часто человеку свойственно производить многие целеполагания, которые быстро рассеиваются или обновляются, а затем постепенно увядают при попытках достижения цели. Определяющим фактором здесь выступает *воля*, дефицит которой всегда служил камнем преткновения на пути к достижению высоких целей. Как обрести необходимую силу воли, силу духа для реализации высших ценностей – вот кардинальный вопрос нашего времени. Есть основания полагать, что, подобно творчеству новых смыслов и ценностей, можно говорить и о *творчестве новых ресурсов воли, новых духовных сил*. В этом – жизненно значимый для будущего аспект проблемы сознания.

Обсуждение проблемы воли обычно включает классические вопросы о *свободе воли и свободе*, вокруг которых постоянно шли и продолжают дискуссии. Не вдаваясь в эти дискуссии за неимением места, необходимо подчеркнуть, что свобода воли – наиболее яркое выражение активности сознания. Но она характеризует не все действия личности. Некоторые из них являются вынужденными, не могут быть названы произвольными. Отсюда следует, что свобода воли должна мыслиться не в общем, а в частном виде. Но этого вполне достаточно для признания её существования и её чрезвычайно важной роли в поведении личности и в социальной самоорганизации. Отрицание свободы воли означает отрицание творческой способности, превращает личность в марионетку, лишённую ответственности за свои решения и действия (что относится, кстати, и к решениям и писаниям авторов, отрицающих свободу воли!).

Особо следует выделить творчество как высшее проявление активности сознания. Творчество, однако, не является самоценным, оно бывает лишено подлинно человеческого смысла, способно нести угрозу человеку и обществу. Судьбоносной задачей развития творческой активности сознания является существенная переориентация её основного вектора с внешнего мира на самого себя, на самопознание и самопре-

образование. Здесь главной целью выступает преобразование стойких диспозициональных структур СР массового человека, таких его негативных свойств, как неуёмное потребительство, чрезмерное эгоистическое своеволие, агрессивность по отношению к себе подобным и живой природе, а тем самым к самому себе. Именно эти негативные свойства массового сознания определяют доминирующую направленность человеческой деятельности, породившей неуклонно нарастающий глобальный кризис земной цивилизации. Если эти свойства не удастся изменить, судьба нашей цивилизации плачевна. Поэтому современная постановка и разработка проблемы сознания обязана ставить во главу угла этот жизненно значимый контекст. Его суть сейчас определяют экзистенциальные вопросы о подлинных смыслах жизни и деятельности человека и всей земной цивилизации. В этом состоит главная философская проблема нашей эпохи.

Список литературы

1. Буддизм и феноменология // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 142–169.
2. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 271 с.
3. Далай-лама XIV Тензин Гьяцо. Вселенная в одном атоме. Наука и духовность на служении миру. Элиста: Океан Мудрости, 2012. 208 с.
4. Дубровский Д.И. В «Театре» Дэниэла Деннета (по поводу одной популярной концепции сознания) // Философия сознания: история и современность. М.: Современные тетради, 2003. С. 196–208.
5. Дубровский Д.И. Новое открытие сознания? (По поводу книги Джона Сёрла «Открывая сознание заново») // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 92–111.
6. Дубровский Д.И. Обман: философско-психологический анализ. Изд. 2-е, доп. М.: Канон+, 2010. 336 с.
7. Дубровский Д.И. Проблема «Другого сознания» // Вопросы философии. 2008. № 1. С. 19–28.
8. Дубровский Д.И. Проблема «Сознание и мозг»: Теоретическое решение. М.: Канон+, 2015. 208 с.
9. Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. 2-е изд., доп. М.: Канон+, 2002. 368 с.
10. Дубровский Д.И. Психические явления и мозг: философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. М.: Наука, 1971. 386 с. URL: www.dubrovsky.dialog21.ru (дата обращения: 17.09.2018).
11. Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: Стратегия-Центр, 2007. 272 с.
12. Дэвидсон Р., Лутц А., Ринар М. Мозг и медитация // В мире науки. 2015. № 1. С. 24–33.
13. Коришунов А.М. Теория отражения и современная наука. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 108 с.

14. *Лекторский В.А.* Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М.: Высшая школа, 1965. 121 с.
15. *Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980. 355 с.
16. *Лекторский В.А.* Философия, познание, культура. М.: Канон+, 2012. 383 с.
17. *Лекторский В.А.* Человек и культура. СПб.: СПбГУП, 2018. 610 с.
18. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: УРСС, 2001. 255 с.
19. *Литвак Л.М.* «Жизнь после смерти»: предсмертные переживания и природа психоза. Опыт самонаблюдения и психоневрологического исследования. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред., вступит. статья Д.И. Дубровского. М.: Канон+, 2007. 672 с.
20. *Лоренц К.* Кольцо царя Соломона. М.: Римис, 2011. 237 с.
21. *Лоренц К.* Человек находит друга. М.: Римис, 2010. 237 с.
22. *Матюшкин Д.П.* О возможных нейрофизиологических основах природы внутреннего «Я» человека // Физиология человека. 2007. Т. 33. № 6. С. 50–59.
23. *Меграбян А.А.* Деперсонализация. Ереван: Армянское гос. изд-во, 1962. 355 с.
24. *Михайлов Ф.Т.* Загадка человеческого Я. М.: Прогресс, 1981. 285 с.
25. *Нагель Т.* Мыслимость невозможного и проблема духа и тела // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 101–112.
26. *Нагуманова С.Ф.* Материализм и сознание: Анализ дискуссии о природе сознания в современной аналитической философии. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2011. 222 с.
27. *Назлюян Г.М.* Концептуальная психотерапия. Портретный метод. М.: ПЕР СЭ, 2002. 239 с.
28. Проблема сознания в философии и науке / Под ред. Д.И. Дубровского. М.: Канон+, 2009. 472 с.
29. *Рамачандран В.С.* Мозг рассказывает. Что делает нас людьми. М.: Карьера Пресс, 2014. 422 с.
30. *Риццолатти Джакомо, Синигалья Коррадо.* Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и переживания. М.: Языки славянских культур, 2012. 205 с.
31. *Сердюков Ю.М.* Контуры трансцендентального опыта. М.: Канон+, 2015. С. 173–219.
32. *Сёрл Дж.* Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. 240 с.
33. *Спиркин А.Г.* Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972. 303 с.
34. *Тюхтин В.С.* О природе образа. М.: Высшая школа, 1963. 123 с.
35. Философия искусственного интеллекта: Труды Всероссийской междисциплинарной конференции, посвящённой шестидесятилетию исследований искусственного интеллекта / Под ред. В.А. Лекторского, Д.И. Дубровского, А.Ю. Алексеева. М.: ИИнтелл, 2017. 340 с.
36. *Эфроимсон В.П.* Гениальность и генетика. М.: Русский мир, 1998. 544 с.
37. *Chalmers D.J.* Facing up to the problem of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 1995. No. 2 (3). P. 200–219.
38. *Chalmers D.J.* The Character of Consciousness. Oxford: Oxford University Press, 2010. 625 p.
39. *Coliva A.* (ed.) The Self and Self-Knowledge. Oxford: Oxford University Press, 2012. 286 p.

40. *Damasio A.* Self comes to Mind. Constructing the Conscious Brain. London: Vintage Books, 2012. 367 p.
41. *Dennett D.* Consciousness Explained. Boston: Back Bay books, 1991. 527 p.
42. *Feyerabend P.K.* Materialism and the Mind-Body Problem // The Review of Metaphysics. 1963. Vol. 17. No. 1. P. 49–66.
43. *Gertler B.* Self-Knowledge // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall, 2017) / Ed. Edward N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/self-knowledge/> (дата обращения: 05.09.2018).
44. *Gopnik A. & Wellman H.* The Theory Theory // Mapping the Mind: Domain specificity in cognition and culture / Eds. L. Hirschfeld & S. Gelman. New York: Cambridge University Press, 1994. P. 257–293.
45. *Hempel K.G.* The Logical Analysis of Psychology // Readings in Philosophical Analysis. New York: Appleton-Century-Crofts, 1949. P. 373–384.
46. *Nagel T.* What is it like to be a bat? // Philosophical Review, LXXXIII. October, 1974. P. 435–450.
47. *Nichols Sh. & Stich St.* How to Read Your Own Mind: A Cognitive Theory of Self-Consciousness // Consciousness: New philosophical perspectives / Ed. Q. Smith & A. Jokic. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 157–200.
48. *Rosenthal D.M.* (ed.) The Nature of Mind. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991. 642 p.
49. *Russell B.* Analogy // The Nature of Mind / Ed. D.M. Rosenthal. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 89–91.
50. *Ryle G.* The Concept of Mind. New York: Barnes & Noble books, 1949. 334 p.
51. *Schwitzgebel E.* Introspection // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter, 2016) / Ed. Edward N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/introspection/> (дата обращения: 14.09.2018).
52. *Sellars W.* Science, Perception and Reality. London, New York: Humanities press, Routledge & Kegan Paul, 1963. 366 p.
53. *Serdyukov Y.M.* Near Death Experience and Subjective Immortality of Man // Dialogue and Universalism. 2014. Vol. XXIV. No 2. P. 97–104.
54. *Smithies D. & Stoljar D.* (eds.) Introspection and Consciousness. Oxford: Oxford University Press, 2012. 448 p.

ENCYCLOPEDIC SEARCH

David DUBROVSKY

DSc in Philosophy, Professor,
Chief Researcher. RAS Institute of Philosophy.
Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation;
e-mail: ddi29@mail.ru

SUBJECTIVE REALITY

The author analyses the concept of subjective reality (as a specific and inherent quality of consciousness) and its relationship with the concepts of physical reality and informational reality. The informational dynamic structure of subjective reality, its ability of self-organization, a phenomenon of will are revealed. The author focuses on the study of subjective reality, the use of introspective methods and a communicative approach, the problem of “Other” consciousness. Subjective reality is considered in four interrelated categorical plans: ontological, epistemological, axiological and praxeological.

Keywords: subjective reality, physical reality, consciousness, information, introspection, dynamic structure of subjective reality, self-knowledge, ontological, epistemological, axiological, praxeological aspects of subjective reality

References

1. “Buddizm i fenomenologiya” [Buddhism and Phenomenology], *Voprosy filosofii*, 2018, No 1, pp. 142–169. (In Russian)
2. Chalmers, D. J. “Facing up to the problem of consciousness”, *Journal of Consciousness Studies*, 1995, No. 2 (3), pp. 200–219.
3. Chalmers, D. J. *The Character of Consciousness*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 625 pp.
4. Coliva, A. (ed.) *The Self and Self-Knowledge*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 286 pp.
5. Dalai Lama XIV Tenzin Gyatso. *Vselennaya v odnom atome. Nauka i dukhovnost’ na sluzhenii miru* [The Universe in One Atom. Science and Spirituality in the Service of the World]. Elista: Okean Mudrosti Publ., 2012. 208 pp. (In Russian)
6. Damasio, A. *Self comes to Mind. Constructing the Conscious Brain*. London: Vintage Books, 2012. 367 pp.
7. Davidson, R., Lutz, A., Rinari, M. “Mozg i meditatsiya” [Brain and Meditation], *V mire nauki*, 2015, No 1, pp. 24–33. (In Russian)

8. Dennett, D. *Consciousness Explained*. Boston: Back Bay books, 1991. 527 pp.
9. Dubrovsky, D. "Novoe otkrytie soznaniya? (Po povodu knigi Dzhona Serla "Otkryvaya soznanie zanovo")" [New Discovery of Consciousness? (About the Book of John Searle "Opening the Conscious Again")], *Voprosy filosofii*, 2003, No 7, pp. 92-111. (In Russian)
10. Dubrovsky, D. "Problema "Drugogo soznaniya"" [The Problem of "Other Consciousness"], *Voprosy filosofii*, 2008, No 1, pp. 19–28. (In Russian)
11. Dubrovsky, D. "V "Teatre" Deniela Denneta (po povodu odnoi populyarnoi kontseptsii soznaniya)" [In "Theater" of Danielle Dennett (About One Popular Concept of Consciousness)], *Filosofiya soznaniya. Istoriya i sovremennost'* [Philosophy of Consciousness. History and Modernity]. Moscow: Sovremennye tetradi Publ., 2003, pp. 196-208. (In Russian)
12. Dubrovsky, D. *Obman: filosofsko-psikhologicheskii analiz* [Deception: Philosophical and Psychological Analysis]. Moscow: Kanon+ Publ., 2010. 336 pp. (In Russian)
13. Dubrovsky, D. *Problema "Soznanie i mozg": teoreticheskoe reshenie* [The Problem of "Consciousness and Brain": Theoretical Solution]. Moscow: Kanon+ Publ., 2015. 208 pp. (In Russian)
14. Dubrovsky, D. *Problema ideal'nogo. Sub"ektivnaya real'nost'* [The Problem of Ideal. Subjective Reality]. Moscow: Kanon+ Publ., 2002. 368 pp. (In Russian)
15. Dubrovsky, D. *Psikhicheskie yavleniya i mozg: filosofskii analiz problemy v svyazi s nekotorymi aktual'nymi zadachami neirofiziologii, psikhologii i kibernetiki* [Mental Phenomena and Brain: Philosophical Analysis of the Problem in Connection with Some Urgent Tasks of Neurophysiology, Psychology and Cybernetics]. Moscow: Nauka Publ., 1971. 386 pp. [www.dubrovsky.dialog21.ru, accessed on: 17.09.2018]. (In Russian)
16. Dubrovsky, D. *Soznanie, mozg, iskusstvennyi intellekt* [Consciousness, Brain and Artificial Intelligence]. Moscow: Strategiya-Tsentr Publ., 2007. 272 pp. (In Russian)
17. Efroimson, V. *Genial'nost' i genetika* [Genius and Genetics]. Moscow: Russkii mir Publ., 1998. 544 pp. (In Russian)
18. Feyerabend, P. K. "Materialism and the Mind-Body Problem", *The Review of Metaphysics*, 1963, Vol. 17, No. 1, pp. 49–66.
19. *Filosofiya iskusstvennogo intellekta* [Philosophy of Artificial Intelligence], Proceedings of all-Russian Interdisciplinary Conference Dedicated to Sixtieth Anniversary of Artificial Intelligence Research, ed. V. Lectorsky, D. Dubrovsky, A. Alekseev. Moscow: IIntell Publ., 2017. 340 pp. (In Russian)
20. Gertler, B. "Self-Knowledge", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall, 2017), ed. Edward N. Zalta [https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/self-knowledge/, accessed on: 05.09.2018].
21. Gopnik, A. & Wellman, H. "The Theory Theory", in: S. Gelman & L. Hirschfeld (eds.), *Mapping the Mind: Domain specificity in cognition and culture*. New York: Cambridge University Press, 1994, pp. 257–293.
22. Hempel, K. G. "The Logical Analysis of Psychology", *Readings in Philosophical Analysis*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1949, pp. 373–384.
23. Korshunov, A. *Teoriya otrazheniya i sovremennaya nauka* [The Theory of Reflection and Modern Science]. Moscow: Moscow University Publ., 1968. 108 pp. (In Russian)

24. Lectorsky, V. *Chelovek i kul'tura* [Man and Culture]. St. Petersburg: University of the Humanities and Social Sciences Publ., 2018. 610 pp. (In Russian)
25. Lectorsky, V. *Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya* [Epistemology: classical and non-classical]. Moscow: URSS Publ., 2001. 255 pp. (In Russian)
26. Lectorsky, V. *Filosofiya. Poznanie. Kul'tura* [Philosophy, Knowledge, Culture]. Moscow: Kanon+ Publ., 2012. 383 pp. (In Russian)
27. Lectorsky, V. *Problema sub'ekta i ob'ekta v klassicheskoi i sovremennoi burzhuaznoi filosofii* [The Problem of Subject and Object in Classical and Modern Bourgeois Philosophy]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1965. 121 pp. (In Russian)
28. Lectorsky, V. *Sub'ekt, ob'ekt, poznanie* [Subject, Object, Cognition]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 355 pp. (In Russian)
29. Litvak, L. "Zhizn' posle smerti": *predsmertnye perezhivaniya i priroda psikhooz. Opyt samonablyudeniya i psikhonevrologicheskogo issledovaniya* ["Life after Death": Dying Experience and the Nature of Psychosis. Experience of Self-Observation and Psycho-neurological Examination], ed. D. Dubrovsky. Moscow: Kanon+ Publ., 2007. 672 pp. (In Russian)
30. Lorenz, K. *Chelovek nakhodit druga* [A Man Finds a Friend]. Moscow: Rimis Publ., 2010. 237 pp. (In Russian)
31. Lorenz, K. *Kol'tso tsarya Solomona* [King Solomon's Ring]. Moscow: Rimis Publ., 2011. 237 pp. (In Russian)
32. Matyushkin, D. "O vozmozhnykh neirofiziologicheskikh osnovakh prirody vnutrennego „Ya“ cheloveka" [About Possible Neurophysiological Fundamentals of Nature of Human Inner Self], *Fiziologiya cheloveka*, 2007, Vol. 33, No 6, pp. 50–59. (In Russian)
33. Megrabyan, A. *Depersonalizatsiya* [Depersonalization]. Yerevan: Armenian State Publishing House, 1962. 355 pp. (In Russian)
34. Mikhailov, F. *Zagadka chelovecheskogo Ya* [Mystery of the Human Self]. Moscow: Progress Publ., 1981. 285 pp. (In Russian)
35. Nagel, T. "Myslimost' nevozmozhnogo i problema dukha i tela" [Thinkability of Impossible and Problems of Spirit and Body], *Voprosy filosofii*, 2001, No 8, pp. 101–102. (In Russian)
36. Nagel, T. "What is it like to be a bat?", *Philosophical Review*, LXXXIII, October, 1974, pp. 435–450.
37. Nagumanova, S. *Materializm i soznanie: Analiz diskussii o prirode soznaniya v sovremennoi analiticheskoi filosofii* [Materialism and Consciousness: Analysis of the Debate on the Nature of Consciousness in Modern Analytical Philosophy]. Kazan: Kazan University Publ., 2011. 222 pp. (In Russian)
38. Nazloyan, G. *Kontseptual'naya psikhoterapiya. Portretnyi metod* [Conceptual Psychotherapy: Portrait Method]. Moscow: PER SE Publ., 2002. 239 pp. (In Russian)
39. Nichols, Sh. & Stich, St. "How to Read Your Own Mind: A Cognitive Theory of Self-Consciousness", *Consciousness: New Philosophical Essays*, eds. Q. Smith & A. Jokic. Oxford: Oxford University Press, 2003, pp. 157–200.
40. *Problema soznaniya v filosofii i nauke* [Problem of Consciousness in Philosophy and Science], ed. D. Dubrovsky. Moscow: Kanon+ Publ., 2009. 472 pp. (In Russian)
41. Ramachandran, V. *Mozg rasskazyvaet. Chto delaet nas lyud'mi* [The Brain Tells. What Makes Us Human]. Moscow: Kar'era Press Publ., 2014. 422 pp. (In Russian)

42. Rizzolatti, G., Sinigaglia, C. *Zerkala v mozge. O mekhanizmaxh sovmestnogo deistviya i perezhivaniya* [Mirrors in Brain. On the Mechanisms of Joint Action and Experience]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012. 205 pp. (In Russian)
43. Rosenthal, D. M. (ed.) *The Nature of Mind*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991. 642 pp.
44. Russell, B. "Analogy", in: D. Rosenthal (ed.), *The Nature of Mind*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991, pp. 89-91.
45. Ryle, G. *The Concept of Mind*. New York: Barnes & Noble books, 1949. 334 pp.
46. Schwitzgebel, E. "Introspection", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter, 2016), ed. Edward N. Zalta [plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/introspection/, accessed on: 14.09.2018].
47. Searle, J. *Otkryvaya soznanie zanovo* [Discovering the Consciousness Again]. Moscow: Ideya-Press Publ., 2002. 240 pp. (In Russian)
48. Sellars, W. *Science, Perception and Reality*. London, New York: Humanities press, Routledge & Kegan Paul, 1963. 366 pp.
49. Serdyukov, Y. M. "Near Death Experience and Subjective Immortality of Man", *Dialogue and Universalism*, 2014, Vol. XXIV, No 2, pp. 97-104.
50. Serdyukov, Yu. *Kontury transtsendental'nogo opyta* [The Contours of Transcendental Experience]. Moscow: Kanon+ Publ., 2015, pp. 173-219. (In Russian)
51. Smithies, D. & Stoljar, D. (eds.) *Introspection and Consciousness*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 448 pp.
52. Spirkin, A. *Soznanie i samosoznanie* [Consciousness and Self-Consciousness]. Moscow: Politizdat Publ., 1972. 303 pp. (In Russian)
53. Tyukhtin, V. *O prirode obraza* [On the Nature of Image]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1963. 123 pp. (In Russian)
54. Vasilyev, V. *Trudnaya problema soznaniya* [Difficult Problem of Consciousness]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2009. 271 pp. (In Russian)